

УДК 81.23.37

ББК 81-5

DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-172-178

Е. В. Старостина,
О. В. Кожара
Саратов, Россия

**ВЕРБАЛЬНЫЕ АССОЦИАЦИИ
КАК ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК
МАТЕРИАЛА ПРИ КОМПЛЕКСНОМ
ИССЛЕДОВАНИИ РЕЧЕВЫХ ЖАНРОВ**

В статье рассматривается проблема выявления феномена речевого жанра в сознании носителя языка. Обсуждается комплексный подход к исследованию речевых жанров, предполагающий обращение к разнородным источникам материала, в том числе к данным ассоциативных словарей. Детально рассматриваются возможности использования материала вербальных ассоциаций в аспекте решения таких проблем, как становление жанровой компетенции языковой личности и определение актуального набора речевых жанров носителя языка, а также проблемы имени речевого жанра. Авторы обосновывают эффективность методики анализа статей обратного ассоциативного словаря и применяют ее для исследования многозначных слов, которые могут выступать названиями речевых жанров в одном из своих значений. Анализ стимулов, на которые даются реакции именами жанров, такими как «ссора», «ответ», «совет», позволил выявить, во-первых, насколько актуальным является значение определенного слова как речевого жанра для носителя языка, во-вторых, как соотносится представление семантической структуры слова в толковом словаре с его многозначностью в ассоциациях. На основе данного исследования семантических структур слов могут быть сделаны некоторые заключения о взаимосвязи таких близких явлений, как речевое событие, речевое действие, речевой поступок и речевой жанр.

Ключевые слова: речевые жанры, речевое событие, ассоциативный словарь, вербальные ассоциации, психолингвистика, когнитивная лингвистика, многозначность, лексикографическое и психолингвистическое значение слова.

Сведения об авторах: Старостина Евгения Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики.

Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.

E-mail: sev79@list.ru

ORCID 0000-0001-7532-2950

Evgenija V. Starostina,
Olesia V. Kozhara
Saratov, Russia

**VERBAL ASSOCIATIONS
AS A COMPLEMENTARY SOURCE
OF MATERIAL IN COMPLEX STUDY
OF SPEECH GENRES**

The article regards the problem of speech genre's revelation in the mind of language speaker. In this respect, it proposes the complex approach to the investigation of speech genres which relies on the use of various sources of material including the data of associative experiment presented in the associative dictionary. The value of associative data is fully discussed in relation with such problems as the acquisition of speech genres by language speaker and their actual range in what they call "the genre competence"; it is also considered to be relevant to the problem of speech genre name. The authors prove the effectiveness of method by which the stimuli evoking the certain reactions are analysed in the investigation of polysemous words denoting speech genres in one of their senses. Based on the analysis of verbal associations for such words as "ssora" ("a row, quarrel"), "otvet" ("an answer"), "sovet" ("an advice") some essential conclusions can be drawn. Firstly, it can be established if a certain name is relevant for language speaker as a name of speech genre. Secondly, we may find in what the representation of structure of the studied polysemous words in the dictionary differs from that constructed on the basis of the associations of speakers. These conclusions may lead to the further statements on the true relations of such phenomena as speech event, speech act, speech action and speech genre.

Key words: speech genres, speech events, associative dictionary, verbal associations, psycholinguistics, cognitive linguistics polysemy, lexicographic and psycholinguistic word meaning.

About the authors: Starostina Evgenija Vladimirovna, Ph.D., Associate Professor of the Department of Language Theory, History and Applied Linguistics.

Place of employment: Saratov State University.

E-mail: sev79@list.ru

ORCID 0000-0001-7532-2950

Кожара Олеся Владимировна, аспирант кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики. Место работы: Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского.
E-mail: okozhara@mail.ru
ORCID 0000-0002-5469-7486

Kozhara Olesia Vladimirovna, Postgraduate student of the Department of Language Theory, History and Applied Linguistics.
Place of employment: Saratov State University.
E-mail: okozhara@mail.ru
ORCID 0000-0002-5469-7486

Многие исследователи отмечают, что современное жанроведение активно взаимодействует с различными смежными лингвистическими дисциплинами, такими, например, как психолингвистика и когнитивная лингвистика. В рамках такого рода взаимодействия чаще всего рассматриваются проблемы жанровой компетенции личности и связь жанра и культуры (при этом культура не обязательно понимается как культура национальная, существуют также различные внутринациональные типы культур) [1 : 30; 2 : 48].

В то же время в настоящее время идет активный поиск нового материала для изучения РЖ, такого материала, который обеспечил бы в том числе возможность комплексного подхода к исследованию жанровой организации речи. Так, В. В. Дементьев и Н. Б. Степанова отмечают, что сейчас внимание исследователей РЖ сосредоточивается не только на художественных текстах, но и «на текстах электронной коммуникации, в отличие от художественных, реальных, а не искусственных, но совершенно очевидно имеющих свою очень существенную специфику (в сравнении и с устной, и с письменной неинтернет-коммуникацией» [3 : 32]. Кроме того, новым источником материала, который исследователи считают возможным использовать для получения разного рода информации о РЖ, являются корпусные базы данных, подлежащие изучению в том числе и с помощью методов корпусной лингвистики. Исследователи отмечают, что разработанной корпусной методикой изучения жанров речи пока нет, однако это скорее плюс, поскольку намечаются перспективы новых исследований [3 : 32].

В. Е. Гольдин, рассуждая о возможных источниках изучения РЖ, отмечает, что «комплексный подход к исследованию жанров и речевых событий диктует необходимость выбора соответствующих источников и специальной организации материала. Он может опираться на сплошной анализ больших массивов непрерывной коммуникации, использовать многоканальную фиксацию социального взаимодействия, привлекать в качестве источников различного рода знаковые отражения коммуникативных процессов, в том числе средствами искусства, возможно, – и другие источники» [4 : 11].

Исследователь предлагает в качестве источника материала использовать в том числе данные ассоциативных экспериментов, собранные и обобщенные в ассоциативных словарях. Методика изучения жанровой организации речи в составе коммуникации как целого предложена в работе В. Е. Гольдина и О. Н. Дубровской и заключается в том, что путем анализа статей обратного ассоциативного словаря (который содержит данные о том, на какие именно стимулы были даны те или иные реакции) выявляются «некоторые актуальные жанрово-событийные контуры коммуникации» той или иной группы носителей языка [4 : 11].

Используя материалы Ассоциативного словаря саратовских школьников (АСШС), В. Е. Гольдин и О. Н. Дубровская отобрали наиболее частотные реакции и выделили в этой частотной зоне использованные школьниками имена жанров. Результаты отбора показали, что школьники в качестве реакций дают названия **художественных жанров** (*песня, сказка, анекдот, рассказ, стихи*), имена разновидностей **официальных документов** (*паспорт, диплом, билет*), имена **жанров официально-деловой речи** (*жалоба, доклад, договор, документ*), номинации **учебных жанров письменного характера** (*сочинение, диктант*), имена **коммуникативных действий** и соответствующих им простых **коммуникативных событий** (*вопрос, отказ, просьба, согласие, запрет, приглашение, шутка, прикол*). Как отмечают исследователи, «поскольку круг данных речевых жанров и событий очерчен не произвольно, как это нередко бывает, а на основе результатов ассоциативных экспериментов, то выделился достаточно реальный, на наш взгляд, коммуникативный комплекс, обладающий внутренним единством и относительной целостностью» [4 : 17].

Удачный пример использования ассоциативного материала для описания таких речевых событий, как *разговор* и *беседа*, представлен в работе Н. Б. Степановой [5]. Применение метода фреймового анализа прямых и обратных статей «Русского ассоциативного словаря» позволило автору прийти к важным выводам о том, что сходная фреймовая структура рассмотренных полей обусловлена в том

числе тем, что и разговор, и беседа являются речевыми событиями, занимающими важное место в личной сфере носителя языка [5 : 308].

Достоинства ассоциативного материала как источника разнообразной информации – не только лингвистической, но и экстралингвистической, прагматической, культурологической и т. д. – неоднократно подчеркивались исследователями. Анализ вербальных ассоциаций зачастую позволяет выявить информацию, которая не может быть получена иным путем (например, путем анализа иного лингвистического материала). Так, Р. М. Фрумкина отмечает следующее: анализируя результаты массовых ассоциативных экспериментов, мы имеем возможность «осмыслить скрытые установки информантов и структуру их ценностей через их ассоциации» [6 : 195]. По мнению автора, «ассоциации отражают содержательное подсознательных слоев психики», поэтому дают представление не о том, что «думают» испытуемые о том или ином явлении, стоящем за стимулом, а о том, что они «чувствуют» по его адресу [6 : 202].

На наш взгляд, ассоциативный материал позволяет, во-первых, получить объективную информацию о том, какой набор актуальных РЖ существует в сознании носителей языка, а во-вторых, ответить на вопрос о том, как именно эти РЖ представлены в языковом сознании.

В настоящем исследовании представлены результаты анализа обратного тома «Русского ассоциативного словаря» под редакцией Ю. Н. Караулова – РАС [7] по методике, предложенной В. Е. Гольдиным. Из всего массива реакций нами были отобраны частотные реакции (под наиболее частотными реакциями понимались те, которые были даны на те или иные стимулы более чем 100 раз), являющиеся именами РЖ и речевых событий.

В результате был получен следующий набор РЖ и речевых событий:

- имена **художественных и близких к ним жанров** – *рассказ (489)¹, песня (376), сказка (388), роман (357), анекдот (218), стих (143), стихи (169)*;
- имена **жанров деловой письменности** – *договор (220), приказ (204), доклад (122)*;
- **названия документов** – *билет (571), документ (333), паспорт (263)*;
- имена **коммуникативных действий** и соответствующих им простых **коммуникативных событий, имена бытовых жанров** – *вопрос (1296), разговор (1228), ответ (1035), письмо (1153), ложь (621), встреча (395), вранье (328), сплетни (289), совет*

(273), предложение (144), спор (128), ссора (120), шутка (120), согласие (101);

- имена **риторических жанров** – *слово (684), речь (275)*;
- имена **жанров речи и речевых событий, связанных с учебой**, – *ответ (1035)², урок (767), экзамен (677), лекция (151)*.

Хотелось бы сразу отметить, что данный список не претендует на полноту и точность. Многие явления, такие, к примеру, как *ложь* и *вранье*, вероятнее всего, не являются именами речевых жанров, поскольку обозначают определенный тип поведения, поступка, но данные реакции были включены нами в список потому, что *ложь (вранье)* рассматривались в работах В. И. Шаховского как речевой жанр (см. список речевых жанров, становившихся объектом специальных исследований, в работе В. В. Дементьева [1 : 226–234]). Окончательно ответить на вопрос о том, является ли та или иная лексема именем речевого жанра в сознании носителя языка, можно только путем подробного анализа соответствующей статьи ассоциативного словаря.

Легко заметить, что у взрослых носителей русского языка выявляются те же актуальные жанрово-событийные контуры коммуникации, что и у школьников, т. е. выделяются те же группы имен жанров. Разницу в наполнении этих групп конкретными именами жанров легко объяснить, во-первых, тем, что коммуникативная компетенция школьников только формируется и некоторые имена жанров могут быть им не знакомы, а во-вторых, тем, что анализировался совершенно разный объем материала. В АСШС на момент проведения исследования (2002 г.) был только 201 стимул, в то время как в РАС содержатся реакции более чем на 6 тысяч стимулов.

Кроме того, в полученном наборе имен жанров достаточно ярко проявляются возрастные и социальные характеристики испытуемых. Поскольку материалы РАС собирались путем проведения ассоциативных экспериментов со студентами различных вузов, можно считать, что в них зафиксировано языковое сознание носителей русского языка студенческого возраста. Именно поэтому для школьников и студентов наиболее актуальными оказываются такие номинации учебных речевых жанров и речевых событий, с которыми они сталкиваются в процессе обучения в школе (*сочинение, диктант*) и в вузе (*экзамен, лекция*).

Однако при таком анализе актуального набора РЖ носителя языка возникает ряд существенных проблем, которые могут быть решены только путем более детального ана-

¹В скобках указано количество стимулов, вызвавших реакции.

²Многозначность реакции *ответ* в ассоциативных полях разных стимулов будет подробно рассматриваться далее.

лиза соответствующих ассоциативных полей. Во-первых, перед исследователем возникает следующий вопрос: действительно ли для носителя языка данная лексема является именем жанра?

Как совершенно справедливо заметили В. Е. Гольдин и О. Н. Дубровская, многие имена РЖ могут выступать в речи не только как обозначения речевых жанров, но и как имена речевых событий или действий, составляющих данное событие: «Слово *рассказ* в отличие от слов *песня, сказка, анекдот* в обычной жизни может, как известно, обозначать не только жанр, но и само действие рассказывания, а также рассказ как речевое событие (ср., например: *Его рассказ продолжался до утра; Во время его рассказа кто-то открыл дверь* и т. п.)» [4 : 12]. Следовательно, чтобы определить, действительно ли данная лексема выступает в сознании носителя языка в качестве имени жанра, необходимо смотреть, на какие именно стимулы была дана эта реакция. Например, если реакция *рассказ* неоднократно была дана на стимул *читать*, ее можно считать именем жанра.

При этом те имена, которые называют речевые действия, а также имена производных от них речевых событий (ссориться – ссора) признаются более удачными наименованиями речевых жанров, поскольку они подчеркивают генетическую близость жанров ситуациям повседневного речевого общения.

Во-вторых, могут существовать расхождения между тем, как представлена система РЖ в научной картине мира и в наивном языковом сознании. Одним из основных свойств, определяющих сущность речевого жанра, исследователи считают его непосредственную данность носителю языка. Под этим подразумевается, в первую очередь, способность носителя языка узнавать речевой жанр, по которому в данный момент разворачивается речевое взаимодействие, и осуществлять его номинацию. Так, например, А. Д. и Е. Я. Шмелевы считают, что речевой жанр есть в коммуникативной компетенции человека, если человек, услышав определенное высказывание, может сказать: «Это – X» (где X – имя жанра) [8 : 18].

В. В. Дементьев, комментируя данную позицию, совершенно справедливо отмечает, что «в системе представлений А. Д. и Е. Я. Шмелевых невозможно объяснить тот факт, что выражения *фатическая речь* и *small talk*, используемые лингвистами в качестве базовых терминов для основных фатических интенций, неизвестны наивным носителям русского языка (что уж говорить о предлагаемых разными авторами заменителях типа *неинформативная беседа, экзистенциальный разговор, гедонистическое общение*, которые могут по-

ставить в тупик как наивного носителя языка, так и лингвиста), что почему-то нисколько не мешает данным типам общения быть очень широко распространенными, узнаваемыми, успешными [1 : 113]. В данном случае принятый исследователями специальный термин для номинации жанра незнаком носителю языка, хотя тот может успешно применять правила, по которым выстраивается дискурс в соответствующих ситуациях.

В. Е. Гольдин обращает внимание на несколько иной аспект этой проблемы: для наивного носителя языка тот или иной жанр может существовать, но он может существовать в рамках иной системы жанров. Так, например, для школьников *стихи* (судя по тому, что эта реакция чаще всего давалась на стимул *куплет*) представляют собой «слабо дифференцированный художественный жанр, близкий к песне», что, конечно же, не совпадает с литературоведческими понятиями. Как считает В. Е. Гольдин, такое расхождение – это лишь частный случай закономерных расхождений между метаязыком филологии и метаязыком обычной речи, которые в исследованиях РЖ не всегда четко разграничиваются [4 : 12].

И наконец, третья проблема связана с тем, что многие имена РЖ и речевых событий (можно даже сказать – большинство) – это многозначные лексемы, являющиеся именем РЖ или речевого события лишь в одном из своих значений. Следовательно, перед нами встает вопрос: какая именно часть ассоциативных связей актуализирует жанровое значение лексемы, то есть действительно ли данный РЖ знаком носителю языка и актуален для него?

Таким образом, возникает проблема выделения РЖ как одного из значений многозначного слова, именующего простые и сложные речевые события, речевые действия и поступки, либо выступающего как номинация чего-то, не имеющего вообще никакого отношения к системе РЖ и речевых событий (например, *совет* как речевое действие или событие и *совет* как орган управления).

Имена, выделяемые исследователями в качестве РЖ, имеют неодинаковые структуры многозначности. Так, некоторые из них могут иметь первичное значение неречевого события (*встреча*), но указывать на сложное (назначаемое, планируемое) речевое событие при переносе в сферу формального общения (*встреча* как «собрание, устраиваемое для знакомства, беседы с кем-то»); другие основывают вторичное неречевое значение (*ответ* как «действие или поступок, вызванные чем-то») на первичном значении речевого действия; третьи демонстрируют вовсе развитую полисемию с несколькими устоявшимися зна-

чениями: например, слово «совет» в первом значении – простое речевое действие, во втором – сложное событие, в третьем – «орган управления и принятия решений».

Структура многозначности имен РЖ позволяет увидеть связь речевого жанра с неречевыми компонентами ситуаций, в которых он функционирует. В этом смысле представляет интерес рассмотрение РЖ в психолингвистическом аспекте как разного рода знаний носителя языка о типических коммуникативных ситуациях и принятых в них речевых действиях. Так, К. Ф. Седов убедительно обосновал психологическую реальность речевого жанра, отметив неодинаковость мыслительных процессов в разных коммуникативных ситуациях: «Важно понимать, что жанры общения не являются внешним условием коммуникации, которые говорящий / пишущий должен соблюдать в своей речевой деятельности. Они присутствуют в сознании языковой личности в виде готовых сценариев, фреймов, влияющих на процесс разворачивания мысли в слово» [2 : 40]. Так мы подходим к одной из важных проблем функционирования речевого жанра – изучению жанровой компетенции языковой личности.

Имя речевого жанра в отношении к жанровой компетенции носителей языка, как отмечает в своей работе Н. Б. Степанова [5 : 310], может трактоваться двояко: с одной стороны, речевой жанр можно считать разновидностью коммуникативного концепта, соответственно его имя является одним из способов его репрезентации в языке, с другой – речевой жанр представляет собой модель построения текста, у которой может существовать несколько реализаций, обозначаемых одним и тем же именем. В частности, такие характеристики *беседы*, как *официальная, с преподавателем и дружеская, задушевная*, выявленные в ассоциативном эксперименте, могут указывать как на существование двух различных жанров, так и на различные способы реализации одного и того же.

При такой постановке проблемы представляется целесообразным в качестве источника материала для исследования помимо данных обратных (не прямых) статей «Русского ассоциативного словаря» (РАС) использовать и традиционные лексикографические источники, такие как «Малый академический словарь» и «Большой универсальный словарь русского языка». Так, мы имеем возможность не только установить, в каких именно случаях можно говорить о том, что та или иная лексема выступает в сознании носителя языка как имя определенного жанра (в реакциях на какие стимулы испытываемые актуализируют «жанровое» значение лексемы), но и сопоставить эти дан-

ные с опытом описания системного значения слова, где речевому жанру отводится разное место в иерархии словарных значений.

Мы предполагаем, что в структуре значений многозначных слов, которые мы рассматриваем на материале обратного словаря ассоциаций, семема, соотносимая с понятием «речевой жанр», может присутствовать потенциально и по этой причине не фиксироваться большинством словарей в качестве лексико-семантического варианта или употребления слова. Так, толковые словари (МАС, БУСРЯ) по-разному проводят границу между основным значением слова «ссора» и его контекстным употреблением («состояние взаимной вражды, размолвка» и «взаимные упреки, обвинения, перебранка»), однако оба выделяют смежность «ссоры» как речевого события и «ссоры» как состояния и не выносят собственно речевой компонент «ссоры» в отдельное употребление (ссора не только как «событие», но и как «речевое произведение»). Другое слово, также часто упоминаемое в качестве имени речевого жанра, – «ответ» – имеет основное значение «речевого действия» («вызванные вопросом или обращением слова (слово), заключающие подтверждение или отрицание чего-л.) и отдельное употребление в смысле специального «речевого жанра» («рассказ учителю заданного урока»). Таким образом, отмечается отсутствие единообразия в семантических структурах слов, принятых для обозначения речевых жанров.

Группировка стимулов, на которые даются реакции *ссора, ответ, совет*, позволяет выявить определенные закономерности. Так, слово *ссора* было дано в качестве реакции на стимулы 120 раз (по данным РАС). Можно видеть, что наиболее часто (в 46,7% случаев) данную реакцию вызывали стимулы, обозначающие сходные с «ссорой» явления: раздор 21, конфликт 11, пересуды 5, спор 5, ругань 3, скандал 3, брань 2. Из этих стимулов доля наименований речевых жанров, в свою очередь, составляет около 15%. Как простое речевое событие *ссора* также может упоминаться в связи с более сложными коммуникативными событиями, такими как конфликт 11, развод 4, скандал 3, встреча, драка. На основе данных ассоциаций допустимо говорить о вхождении *ссоры* в один гипонимический ряд с событиями, в структуре которых необязателен речевой компонент. По всей видимости, речевой компонент не является единственным, что определяет такое событие, как *ссора*. Об этом свидетельствует наличие среди слов-стимулов, вызывающих данную реакцию, как речевых, так и неречевых действий – драться 2, избежать 2, издеваться, объяснить, орать, спорить, толкать, уйти. Сре-

ди всех стимулов, в ассоциативном поле которых представлена реакция *ссора*, третьим по частотности является *повод* (на него реакция была дана 8 раз). Это говорит о том, что слот «причина» действительно представлен в фрейме *ссора*, а это, в свою очередь, очень существенно для представления структуры *ссора* как события. Другие важные слоты «события», такие как темпоральная характеристика (*бесконечная*), фазовость (*возникать*, *хватит*), участники (*брат*, *супруги*, *зять*, *папа*) также не остаются пустыми за счет наличия данной реакции в ассоциативных полях соответствующих стимулов.

Примечательно, что в ассоциативном поле стимула *повод* присутствует также имя первичного речевого жанра – *разговор* (*для разговора 13, к разговору 10, разговор 5*), что, как нам кажется, может прямо указывать на родство первичных РЖ с событиями. Это дает основание предположить, что имена простых речевых событий (*ссора*, *спор*, *разговор*, *беседа*) в разной степени склонны реализовывать определенную модель многозначности в речи, по которой они могут обозначать в некоторых контекстах не только событие, но и речевое произведение или речевой жанр.

Реакция *ответ* имеет 1035 вхождений в ассоциативные поля разных стимулов. Большая доля из них (27,7%) представляет *ответ* как высказывание, подлежащее оценке с точки зрения содержания, а также соответствия реальному положению дел и отношения к вызвавшему его высказыванию. Например, *ответ правильный 60, неправильный 33, определенный 10, положительный 10, абсолютный 9* и др. Часть из этих стимулов можно также выделить в самостоятельную группу как представляющие *ответ* в одном из смыслов, который некоторые толковые словари указывают в качестве контекстного употребления (МАС: «рассказ учителю заданного урока»); например, *ответ правильный 60, неправильный 33, блестящий 9, плохой 8, полный 7, четкий 7* и др. (15,3%). На этом основании имеет смысл также рассматривать *ответ* как вторичный речевой жанр, закрепленный в сознании носителей языка за определенными ситуациями общения (ответ учителю, преподавателю, экзаменатору). Другое производное «неречевое» значение слова *ответ*, отдельно фиксируемое в словарях (например, в БУСРЯ: «действие, поступок и т. п. как реакция на что-л.»), не находит явного подтверждения в ассоциациях. Между тем при взгляде на глагольные стимулы, вызвавшие реакцию *ответ*, можно наблюдать ослабленную речевую составляющую *ответа* по сравнению с действиями, касающимися запроса, ожидания,

подготовки, отправления, передачи и получения речевого сообщения (См. *получить 16, дать 15, спросить 9, держать 8, прислать 8, спрашивать 8, получен 7, требовать 7, найти 6, искать 5, передать 5, давать 4, написать 4, находить 3, обдумать 3, получать 3, выдать 2, ждать 2*). *Ответ* как речевое действие и первичный РЖ тесно связан со знаниями об обязательных элементах коммуникации, чем можно объяснить такое широкое представление реакции *ответ* в ассоциативных полях разных глагольных стимулов. Собственно жанровые характеристики *ответа* хорошо представлены в тех ассоциациях, где *ответ* оценивается как речевое произведение с точки зрения его формы, манеры подачи содержания, например, *лаконичный 204, краткий 27, убедительный 18, немногословный 10* и др. (объем данной группы составляет 31,1%). Среди имен жанров наиболее близки *ответу* в ассоциациях оказались *вопрос 34, совет 8, письмо 5, билет 4, загадка 4, отгадка 4, анкета 2, привет 2, призыв 2*.

Многозначное слово «совет» с развитой семантической структурой достаточно структурировано по своим значениям и в ассоциативных полях разных стимулов. Так, группа стимулов (общей долей 15, 5%) указывает на особое значение *совета* как «распорядительного или совещательного органа при каком-либо учреждении, организации, обществе» (МАС): *женский 6, сельский 6, ученый 6, президиум 3, военный 2, местный 2, национальный 2, член 2, городской, государственный, государство, колхозов и др.* Немногочисленная группа стимулов, которые представляют *совет* в значении «события»: *семейный 6, держать 2, обсуждение, собрать – 3,9%*. В то же время для реакции *совет* отсутствуют стимулы, которые могли бы заполнить такие существенные слоты «события», как указание на время, место, фазу, участников. Вместо этого ряд стимулов дает указание на адресата *совета* – *девушкам, мужьям, отцам*. Так же, как и *ответ*, *совет* часто упоминается в связи с действиями получения, передачи и восприятия информации – см. *послушать 16, давать 14, спросить 8, спрашивать 6, дать 3, передать 3, просить 2, следовать 2, обращаться*. Как показывает большое количество подобных стимулов к данной реакции (42 %), оценка с точки зрения содержания является важной дискурсивной составляющей *совета* – *дельный 39, полезный 31, бесполезный 5, мудрый 5, разумный 5, плохой 4, добрый 3, ценный 3, важный 2, драгоценный 2, несусветный 2, бессвязный*. Для организации структуры *совета* как речевого поступка также важна прагматическая составляющая, которая пред-

ставлена в ассоциациях разными видами оценки: так, *совет* в основном получает оценку с точки зрения характеристики отношений между участниками дискурса и/или обстоятельств, в которых дается *совет* – нужный 14, добрый 3, необходимый 2, добрейший, ненужный, ничтожный, щедрый.

Рассмотрение многозначных слов, принятых для обозначения речевых жанров, через призму вербальных ассоциаций позволило наглядно представить, как такие смежные явления, как речевое событие, речевое действие, речевой поступок и речевой жанр взаимодействуют в семантической структуре слова на уровне его значений, подзначений или употреблений. Сопоставление результатов анализа ассоциативного материала с данными толковых словарей также дает возможность сделать несколько значимых выводов. Так, отдельные речевые жанры (из рассмотренных нами – *ссора*, *ответ*, *совет*) представлены в сознании носителя языка как части разных сценариев, фреймов. РЖ *ссоры* неотделим от структуры соответствующего события, и это проявляется в организации семантической структуры слова *ссора*, для которого толковые словари традиционно выделяют одно значение и некоторые возможности его варьирования в контекстах. Многозначность слова *ответ* показывает, что речевой жанр с данным именем не только представлен в сознании носителя языка, но и имеет определенную организацию: *ответ* как первичный РЖ или простое речевое действие связан с *ответом* как вторичным РЖ, который реализуется только в определенной сфере общения. *Совет* как РЖ находит свое место в разветвленной структуре отдельных значений слова (близкой к омонимии) и обладает рядом устойчивых черт, в том числе прагматической составляющей, которая определяет структуру *совета* как речевого поступка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дементьев В. В. Теория речевых жанров. М.: Знак, 2010. 600 с.
2. Седов К. Ф. Психолингвистические аспекты изучения речевых жанров // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 40–52.
3. Дементьев В. В., Степанова Н. Б. Корпусная генеристика: проблема ключевых фраз // Жанры речи. 2016. № 1. С. 24–41.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Старостина Е. В., Кожара О. В. Вербальные ассоциации как дополнительный источник материала при комплексном исследовании речевых жанров // Жанры речи. 2018. № 3 (19). С. 172–178. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-172-178

4. Гольдин В. Е., Дубровская О. Н. Жанровая организация речи в аспекте социальных взаимодействий // Жанры речи: сб. науч. ст. Саратов: ГосУНЦ «Колледж», 2002. Вып. 3. С. 5–17.

5. Степанова Н. Б. Имена речевых жанров и их ассоциативные поля // Русский язык сегодня. Вып. 6. Речевые жанры современного общения: сб. докл. / отв. ред. А. В. Занадворова. М.: ФЛИНТА; Наука, 2015. С. 303–310.

6. Фрумкина Р. М. Психолингвистика: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2003. 320 с.

7. РАС – Русский ассоциативный словарь: в 2 т.; под ред. Ю. Н. Караулова. Т. 2. От реакции к стимулу. М.: Астрель, АСТ, 2003. 992 с.

8. Шмелева Е. Я., Шмелев А. Д. Русский анекдот: текст и речевой жанр. М.: Языки славянской культуры, 2002. 144 с.

REFERENCES

1. Dement'ev V. V. *Teorija rechevykh zhanrov* [Speech Genres Theory]. Moscow, Znak Publ., 2010. 600 p. (in Russian).
2. Sedov K. F. *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniia rechevykh zhanrov* [Psycholinguistic aspects of speech genres]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.], iss. 3. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, pp. 40–52 (in Russian).
3. Dement'ev V. V., Stepanova N. B. *Korpusnaia genestika: problema kluchevykh fraz* [Corpus genestics: a problem of key phrases]. *Zhanry rechi* [Speech Genres], 2016, iss. 1 (13), pp. 24–41 (in Russian).
4. Gol'din V. E., Dubrovskaja O. N. *Zhanrovaia organizatsiia rechi v aspekte sotsial'nykh vzaimodeistvii* [The genre organization of speech in aspect of the social interactions]. *Zhanry rechi: sb. nauch. st.* [Speech Genres: coll. of sci. art.], iss. 3. Saratov, GosUNTs "Kolledzh", 2002, pp. 5–17 (in Russian).
5. Stepanova N. B. *Imena rechevykh zhanrov i ikh assotsiativnye polia* [Names of the speech genres and their associative fields] *Russkii iazyk segodnia. Vyp. 6. Rechevye zhanry sovremennogo obshcheniia: sb. dokl.* [Russian language today. Iss. 6. Speech genres of modern communication: coll. of rep.]. Moscow, Flinta, Nauka Publ., 2015, pp. 303–310 (in Russian).
6. Frumkina R. M. *Psikholingvistika* [Psycholinguistics]. Moscow, Academia Publ., 2003. 320 p. (in Russian).
7. *RAS – Russkii assotsiativnyi slovar': v 2 t. T. 2. Ot reaktsii k stimulu* [Russian associative dictionary: in 2 vols. Vol. 2. From reaction to stimulus]. Moscow, Astrel', AST Publ., 2003. 992 p. (in Russian).
8. Shmeleva E. Ia., Shmelev A. D. *Russkii anekdot: tekst i rechevoi zhanr* [Russian anecdote: text and speech genre]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2002. 144 p. (in Russian).

Статья поступила в редакцию 25.11.2017

For citation

Starostina E. V., Kozhara O. V. Verbal Associations as a Complementary Source of Material in Complex Study of Speech Genres. *Speech Genres*, 2018, no. 3 (19), pp. 172–178. DOI: 10.18500/2311-0740-2018-3-19-172-178